

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОТ ПОИСКОВ САМОУВАЖЕНИЯ К ПОИСКАМ СМЫСЛА*

© 1999 г. Н. М. Лебедева

Докт. психол. наук, вед. научн. сотр. Ин-та этнологии и антропологии РАН, Москва

Анализируются результаты современных этнопсихологических исследований трансформаций социальной и этнической идентичностей на постсоветском пространстве. Выдвигается гипотеза, что в условиях социальной нестабильности личная идентичность является ведущей и определяющей направления социальной самоидентификации. Основой самоидентификации личности в изменившихся условиях является не столько базальная потребность в самоуважении, сколько потребность в смысле, понимании, что способствует наилучшей адаптации и усилению чувства контроля над собственной жизнью. Проводится анализ основных направлений изменения процессов самоидентификации на постсоветском пространстве: от стабильности к неустойчивости, диффузности, неопределенности; от унифицированности к разнообразию; от глобальности к артикулированности, детализации; от потребности в самоуважении к потребности в смысле; от оценочной полярности к антиномичному единству.

Ключевые слова: социальная психология, этническая психология, социальная идентичность, этническая идентичность, процессы самоидентификации, кризис социальной идентичности.

Развитие социальной психологии в нашей стране в последнее десятилетие получило серьезный импульс от быстро меняющегося общества, утратившего былую стабильность и вошедшего в полосу радикальных перемен.

Г.М. Андреева выделила основные процессы, свойственные массовому сознанию в ситуации нестабильности, требующие социально-психологического анализа: а) *глобальная ломка устоявшихся социальных стереотипов*; б) *изменение системы ценностей* и в) *кризис идентичности* [1, с. 363].

В отечественной этнической психологии последнего десятилетия научный поиск велся во всех трех указанных направлениях, но особенно интенсивно – в сфере изучения кризиса идентичности или, в более общем смысле, проблем меняющейся системы идентификаций.

Для того, чтобы произошли серьезные изменения в идентичности (социальной, этнической, личной), необходимо радикальное изменение социальных категорий в обществе, служащих основой многообразных процессов идентификации личности. Эти радикальные изменения, безусловно, имели место на пространстве бывшего Советского Союза. Исчезла самая крупная социальная категория, с которой прежде вольно или неволь-

но идентифицировался человек, живущий в СССР, а именно – “советский народ”, исчезли многие значимые прежде социальные категории идеологического характера (“коммунист”, “комсомолец”); неизмеримо больший вес и значение приобрели такие формы групповой идентификации, как этническая, гражданская, религиозная, региональная; возросла значимость личной идентичности.

Проблемы трансформации как форм идентичности, так и самих процессов идентификации в условиях стремительных и глубоких социальных изменений, невольными свидетелями которых мы все являемся, есть смысл рассмотреть через призму этнопсихологических исследований, которые особенно бурно развивались на постсоветском пространстве в последнее десятилетие.

Распад СССР и возникновение новых независимых государств наряду с быстроидущими социально-политическими и экономическими трансформациями породил новую этнополитическую и социально-психологическую реальность. Ее характерными признаками явились:

1. Изменение этнополитических статусов этнических групп в республиках России и бывшего СССР.

2. Процесс поиска новой, адекватной реальности этнической, культурной и конфессиональной идентификации у представителей “титовых” этносов и этнических меньшинств.

*Работа выполнена при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (код проекта 98-06-08152).

3. Рост этнических миграций и осознание необходимости аккультурации в новых культурных и политических условиях.

4. Рост межэтнической напряженности, локальных этнических конфликтов, проявления межэтнической нетерпимости, ксенофобии.

5. Необходимость формирования общегражданской идентичности и установок мультикультурализма для сохранения этнического мира.

6. Процесс изменения ценностной структуры индивидуального и группового (этнического) сознания в направлении ценностей индивидуализма, маскулинности, личной ответственности, напряженного труда в целях достижения личного успеха и благосостояния.

Все вышеозначенные проблемы в той или иной степени привели к изменению социальной, этнической, культурной идентичности граждан бывшего СССР. Психологические аспекты этой проблемы интенсивно исследовались специалистами-психологами в новых независимых государствах – России (Лебедева Н.М., 1993, 1995, 1997; Солдатова Г.У., 1998; Стефаненко Т.Г., 1997 и др.), Украине (Павленко В.П., 1997, 1998; Шульга Н.А., 1996 и др.), Беларуси (Наumenко Л.И., 1997 и др.), Казахстане (Мулдашева А.Б., 1997; Уталиева Ж.Б., 1997 и др.), Литве (Касаткина Н.В., 1997; Кузмицкайте Л., 1996 и др.), Эстонии (Кирх А., 1994 и др.), Узбекистане (Андрущак И.Б., 1998 и др.).

Во многих исследованиях, несмотря на их разные цели, гипотезы, теоретические подходы и методы, были найдены сходные тенденции и закономерности трансформации этнической идентичности у представителей “титulyных” этносов и групп этнических меньшинств. При этом каждый исследователь использовал свой понятийный аппарат и собственную терминологию для описания изученных феноменов (например, “синдром навязанной этничности” – Лебедева Н.М. [8]; “гиперидентичность” – Наumenко Л.И. [11], Солдатова Г.У. [14] и т.д.). (В настоящее время существует необходимость унификации результатов психологических исследований изменения социальной и этнической идентичности на постсоветском пространстве с целью понимания общих тенденций изменения процессов социальной идентификации в период радикальных социальных преобразований.)

Есть смысл вначале проанализировать, изменились ли и каким образом сами процессы социальной идентификации на постсоветском пространстве.

Основные характеристики изменения процессов самоидентификации

В самом общем смысле цель самоидентификации человека в окружающей его реальности – по-

иск ответов на вопрос “кто я такой?” [24]. Следует, прежде всего, отметить, что изменились не только социальные категории, к которым человек может себя причислить, но и суть процессов самоидентификации, их направленность и цели.

Происходят изменения базальных ценностей и потребностей (самый общий вектор изменения ценностей – *от однородности к разнообразию, от коллективизма к индивидуализму*, а потребностей – *от поисков позитивного самоощущения к поиску смысла*).

Хотя процесс изменения системы и принципов самоидентификаций находится в переходном состоянии, попробуем провести первичный анализ основных векторов и принципов изменения этой системы, основываясь на результатах этнопсихологических исследований на постсоветском пространстве.

А. Первый вектор, отражающий изменение процессов идентификации, – *от стабильности к неустойчивости, диффузности, неопределенности*.

Вслед за изменениями самих социальных категорий (“исчезновениями” одних и “рождениями” других) происходит процесс приспособления человеческого сознания к этим изменениям, выражающийся в трансформации вариантов социальной идентичности.

Переходный характер процессов самоидентификации показан в исследовании В.Н. Павленко и Н.Н. Корж [13], которыми отмечается “пестрота оценок” и противоречивость пояснений украинскими и русскими респондентами динамики собственной идентификации, что убеждает авторов в том, что “... происходит именно трансформация общественного сознания, когда на большинство вопросов еще нет готовых, осознанных устойчивых личностных или социально-одобряемых ответов, мнений и нормативов” [13, с. 77]. В их исследовании также отмечается, что в отличие от русских система социальной идентичности украинцев менее однозначна, что, по мнению авторов, отражает “большую потерю ориентиров” на востоке Украины, где люди “как бы не могут решить, с какой социальной общностью им стоит идентифицироваться” [13, с. 86].

О сходных процессах в сознании представителей “титulyных” этносов и русских в республиках России пишет и Солдатова, отмечая, в частности, что там “общегражданское сознание расщепилось и даже нивелировалось” [14, с. 63].

Стефаненко также, анализируя процессы социальной самоидентификации в бывшем СССР, замечает: “Сегодня человек остался один на один с нелегкой жизнью и не знает, кто он такой, на какие ценности ему ориентироваться... Когда окружающий мир перестанет быть понятным, начинается поиск групп, которые помогли бы восстано-

вить его целостность и упорядоченность, защитили бы от трудностей пореформенной жизни..” [16, с. 93].

Б. Второй вектор изменения процессов самоидентификации — *от унифицированности к разнообразию*. Это означает, что на смену ограниченному выбору социальных категорий для идентификации приходит выбор более разнообразный и разноплановый.

Отличительным признаком процессов самоидентификации в советский период служило чрезвычайно скудное “меню” выборов в большинстве социальных категорий (гражданской, партийной, классовой и др.), приводя в некоторых из них к безальтернативности (гражданской и партийной, например). Многие социальные категории, являясь реальными, находились в категории “полуреальных” (например, европейская, планетарная) или малозначимых (религиозная, региональная).

На это же указывает и Т.Г. Стефаненко, отмечая, что в СССР в течение семидесяти лет проводился эксперимент по установлению *социальной однородности*, в результате которого были уничтожены многие социальные группы: сословия, крестьянская община, церковные приходы, разнообразные партии, землячества и т.д. Она также отмечает, что идеологическая машина многое сделала для того, чтобы советские люди знали только *одну* страну, партию, молодежную, детскую организации [16, с. 92–93].

Произошло ли изменение в процессах самоидентификации в этом направлении, стал ли набор идентичностей более разнообразным? Результаты исследований отвечают на этот вопрос положительно. Даже когда применялись заданные исследователем шкалы возможных самоидентификаций (уже заключающие в себе разнообразие), люди выбирали практически все указанные категории.

Так, в моем исследовании проблем меэтнического взаимодействия в странах Балтии в 1996 г. было выявлено значительное разнообразие структуры идентификаций у жителей Литвы и Эстонии (“титульных” и русских) в %: *гражданин мира* (от 11.4 у русских Эстонии до 19 у русских Литвы), *европеец* (от 5.7 у русских Эстонии до 41.2 у литовцев), *гражданин СССР* (от 5.8 у литовцев до 52.4 у русских Литвы), *гражданин республики* (от 9.5 у русских Литвы до 55.9 у литовцев), *этническая принадлежность* (от 62.8 у русских Эстонии до 87.5 у эстонцев), *религиозная принадлежность* (от 0 у русских Эстонии до 21.5 у русских Литвы), *житель республики* (от 0 у эстонцев и литовцев до 45.2 у русских Литвы), *житель определенной местности* (от 0 у русских Литвы до 12.8 у литовцев) [6]. В исследовании Павленко и Корж также было показано разнообразие выбо-

ров внутри заданной системы идентификаций респондентами в России и на Украине (от *советской до планетарной*) [13, с. 80].

При исследованиях с помощью методов свободного выбора самоидентификаций (например, с помощью теста М. Куна и Т. Макпартленда) набор возможных идентификаций становится еще более разнообразным. Так, основываясь на результатах исследования сектора социально-психологических проблем меэтнического взаимодействия, выполненного в 1993–95 гг. в республиках России под руководством Л.М. Дробизевой, Солдатов выделяет такие категории самоидентификаций (в %) как *человек* (от 6.4 у русских Северной Осетии до 14.6 у тувинцев), *половая идентификация* (от 7.1 у осетин до 15.7 у русских Тувы), *возрастная* (от 0.1 у русских Северной Осетии до 1.0 у якутов), *профессиональная* (от 5.0 у русских Северной Осетии до 11.2 у татар), *национальная или этническая* (от 2.2 у русских Тувы до 13.9 у осетин), *религиозная* (от 0.4 у тувинцев до 9.5 у русских Северной Осетии), *субкультурная* (от 0 у тувинцев, якутов, татар до 1.0 у русских Якутии и Северной Осетии), *гражданин республики* (от 0.2 у русских Тувы до 8.1 у русских Северной Осетии), *гражданин России* (от 0.2 у тувинцев до 10 у русских Северной Осетии), *гражданин СССР* (0 у всех групп) [14].

Можно наблюдать, что выбор и предпочтение той или иной социальной категории в целях самоидентификации подчас мало зависит от степени ее “реальности”: например, СССР уже не существует 7 лет, а идентификация с ним еще довольно высокая, особенно у русских, живущих в бывших его республиках. Этот феномен можно назвать “фантомной” идентификацией. С другой стороны, как отмечает Стефаненко, возникает множество социальных групп и категорий, которые являются лишь “инсценировками” групп: всевозможные субкультуры, идентификация с которыми часто приобретает внешний, “знаковый характер” [16].

В том и другом случае следует предположить, что основой идентификации с “нереальными” или “полуреальными” группами могут служить поиски смысла своего социального или личностного бытия. Человеческое сознание ищет смысловые точки опоры, идентифицируя себя с социальными категориями, и иногда не столь важно, истинные они или иллюзорные, если они дают адекватный ответ на вопрос “кто я?”.

В. Третий вектор изменения процессов самоидентификации — *от глобальности к артикулированности, детализации*. Это означает уменьшение значимости более глобальных социальных категорий (идеологических, гражданских) в пользу менее общих, более конкретных и реальных (половая, возрастная, этническая, профессиональная).

Это видно также и по результатам исследований Кузмицкайте в Литве в 1991 и 1994 гг., где убедительно показано возрастание значимости идентификации с Литвой (72%) и локальным местом проживания человека (14%) по сравнению с общемировой (2%) или европейской (1%) идентичностью [23]. В уже упоминавшемся исследовании в республиках России, выполненном в Институте этнологии и антропологии РАН, Солдатова выделяет рост специфически-объективных характеристик (беженец, безработный, бомж) и субъективных личностно-ролевых (работяга, труженик, творец и т.д.), которые составляли в общей системе идентификаций от 3,2 до 12% у разных групп респондентов [14]. В моем исследовании в странах Балтии в 1994–1996 гг. также выявился рост более уникальных личностных характеристик (*специалист по информатике, страстный рыбак, женщина из центральной Литвы*) по сравнению с глобальными и общими (*гражданин, человек*), особенно у литовцев [6].

Данная тенденция выражается также ростом личностных, индивидуальных характеристик в структуре самоидентификаций, что согласуется с выявленной Павленко и Корж тенденцией снижения уровня социальной идентичности в обществе, сопровождаемое гиперперсонализацией (т.е. ростом влияния на поведение людей, прежде всего индивидуальных и личностных характеристик, а не групповых) [13, с. 85–86]. Этот вектор соответствует общей тенденции изменения ценностей в модернизирующихся обществах от коллективизма к индивидуализму, означающих снижение влияния группового членства на жизнь индивида и усиление влияния его индивидуальных целей и потребностей.

Г. Четвертый вектор изменения процессов идентификации касается их сути и может быть обозначен так: *от потребности в самоуважении к потребности в смысле (правде)*. Это означает, что в нестабильном обществе в целях лучшей адаптации к меняющимся условиям у людей проявляется тенденция определять себя через те социальные категории, принадлежность к которым не является престижной или уважаемой (часто даже наоборот). Выбор объясняется тем, что самоопределение через данную социальную категорию является наиболее верным, истинным, а значит, увеличивает возможности адаптации личности и усиливает чувство контроля над собственной жизнью. Поиски смысловой определенности в ситуации нестабильности лучше отвечают на краеугольный вопрос самоидентификации “Кто я?”, чем поиски позитивных отличий своей группы от чужой. Проблема идентификации в ситуации социальной нестабильности состоит в том, чтобы сначала найти “свою” группу, определиться в неопределенной социальной реальности.

И здесь ведущей может стать именно потребность в смысле, а не в самоуважении.

В исследованиях это может выражаться в росте так называемых “негативных” самоидентификаций: так, например, в моей работе по проекту “Новая русская диаспора” у русских в ближнем зарубежье в ответах на вопрос теста Куна и Макпартленда “Кто я?” часты были такие самоопределения: *изгой, инородец, человек второго сорта, человек без родины* [7]. Солдатова также отмечает наличие подобных самоидентификаций (*беженец, безработный, бомж*) [14]. Это отражает не только появление данных групповых категорий в социуме, но и то, что самоидентификация с ними является необходимой частью адаптации к изменившейся реальности, отвечает на базальную потребность человека в поисках смысла, познания окружающего мира и своего места в нем.

Д. Пятый вектор изменений – *от оценочной полярности к антиномичному единству*. Это означает, что на смену четкой позитивной или негативной оценке социальных явлений (групп, их характеристик, группового членства) приходит понимание явлений как внутренне амбивалентных, содержащих в себе возможность как негативно, так и позитивно оценивания. Речь идет не столько о новых социальных явлениях, сколько о новом взгляде на них, свободном от одностороннего оценочного подхода и способном видеть их в целостности и полноте.

В диссертационном исследовании этноцентризма как социально-психологического феномена Андрущак приводит данные эмпирического исследования в Узбекистане в 1992 г., когда изменения этнокультурных статусов основных контактирующих групп (узбекской – в сторону повышения и русской – в сторону снижения) в равной степени вызвали в них рост этноцентризма. Это показывает, что такой, казалось бы, позитивный факт, как повышение статуса, может заключать в себе негативное следствие в виде роста этноцентризма [2].

В моем исследовании русских в ближнем зарубежье был выявлен так называемый “синдром навязанной этничности”, который означал, что этническая принадлежность человека против его собственной воли и желания, становится чересчур значимой характеристикой его бытия и сознания, начинает определять его место в обществе, комплекс прав и обязанностей, а в его самоидентификации выходит на одно из первых мест [8]. Казалось бы, однозначно негативное явление. Однако, дальнейший анализ показал, что роль так называемого “синдрома навязанной этничности” амбивалентна: с одной стороны, он служит формированию установки на миграцию в Россию, а с другой – стимулирует активное построение институтов русской диаспоры в республиках.

Но что самое главное: как в том, так и в другом случае он является стимулятором внутренней психологической работы по восстановлению позитивной этнической идентичности и преодолению “национального обезличения”, приводя к этнической консолидации как посредством миграции в Россию, так и строительства институтов русской диаспоры. На уровне личности он заставляет ее решить проблему культурного и этнического самоопределения или поиска наиболее адекватной самоидентификации. Данный, безусловно, позитивный итог сопряжен с мучительными, болезненными, негативными самоощущениями (между степенью выраженности идентификации “я-русский” и негативными чувствами, связанными с собственной этничностью существовали тесные корреляции на уровне $p = 0.01$) [8].

Можно констатировать, что выявленные изменения в процессах самоидентификации отражают, на наш взгляд, глубинно происходящие изменения в обществе и человеческом сознании в сторону большего разнообразия, богатства, полнокровности. Известно, что разнообразие увеличивает адаптивность системы, а однообразие – снижает. Направленность вектора изменений от глобальности, унифицированности, однородности, стремления к позитивности и однозначности в оценках в сторону большей артикулированности, разнообразия, поиска смысла, принятия амбивалентности, готовности увидеть позитивное в негативном – все это признаки оздоровительных, “оживляющих” процессов, происходящих в сознании. В таком понимании опять-таки заключена амбивалентность, антиномичность оценок современной нам социальной реальности. Для постсоветского сознания это – сравнительно новое состояние, и мы только учимся видеть мир во всем его богатстве, сложности и противоречиях.

Разумеется, все эти изменения с необходимостью включают личностное начало, личностный выбор, и нет строгой иерархии в выборе потребности в позитивной и наиболее адекватной социальной идентичности. Здесь действует и то, и другое, сливаются обе ипостаси самоконцепции – социальная и личная и, вероятно, в процессах самоидентификации в период нестабильности *поиски личностью смысла своего бытия* в новой изменившейся социальной реальности являются ведущими и определяющими в процессах социальной категоризации, внося личностный смысл и определенность в социальный хаос, гармонизируя его и наделяя личностным значением *пульсирующие* (возникающие и исчезающие) социальные категории.

Теоретические основы исследований изменяющейся идентичности

Когда психологи изучают проблемы социальной, этнической, личной идентичности и ее трансформаций в изменяющемся обществе, они обычно привлекают для анализа два наиболее известных теоретических подхода: модель социальной идентификации Г. Тэджфела и Дж. Тернера [24] и эпигенетическую концепцию развития личности Э. Эриксона [20].

Согласно первой модели, базальную потребность в самоуважении человек в основном реализует через групповое членство. Причем важно отметить, что самоопределением через принадлежность к социальной категории человек отвечает на вопрос “Кто Я?”, т.е. решает проблему своей личностной определенности.

Когда человек определяет себя посредством принадлежности к некой социальной группе, то его потребность в самоуважении будет мотивировать его желание оценивать данную группу положительно. Позитивные различия в пользу своей группы дают ее членам высокий субъективный статус или престиж, и вследствие этого – позитивную социальную (или этническую) идентичность. В свою очередь, негативные различия или неблагоприятное сравнение дает низкий престиж и негативную социальную (или этническую) идентичность.

Когда группа, к которой человек принадлежит, утрачивает (в его глазах) позитивную определенность, он будет стремиться:

- а) оставить эту группу физически;
- б) размежеваться с ней психологически и претендовать на членство в группе, имеющей высокий статус;
- в) прилагать усилия, чтобы восстановить позитивную определенность собственной группы.

Модель Тэджфела и Тернера фокусируется прежде всего на проблемах социальной идентификации человека и кризисе социальной идентичности, в то время как Эриксон анализирует проблемы кризиса личностной идентификации, но в социально-историческом контексте.

Согласно его теории, личность нацелена на поиск включения в конкретно-историческую жизнь общества, которое позволило бы ей разрешить свои внутренние конфликты и противоречия. Успешно это может сделать только зрелая личность. Зрелость личности Эриксон понимает как “идентичность” или психосоциальную тождественность личности.

Он определял идентичность (самотождественность) личности как важнейшую характеристику ее целостности, как интеграцию переживаний человеком своей неразрывной связи, отождествления себя с определенными социальными группами.

ми: государством, нацией, этнокультурной общностью, семьей, профессиональной группой и т.д. Это определяет систему ценностей, идеалы, жизненные планы, социальную роль индивида, его потребности и способы их реализации. В этом аспекте осуществляют свое действие механизмы психологической защиты целостности своего образа в сознании индивида.

На основании выявленного сильного стремления личности к обретению идентичности (как психосоциальной тождественности – верности “самому себе”), с одной стороны, и губительных последствий ее разрушения для человека, – с другой, Эриксон выдвинул гипотезу о существовании в самой природе человека потребности в психосоциальной идентичности.

Моменты перехода от одной личностной целостности к другой, знаменующие продвижение к новой стадии развития, Эриксон называет кризисами, предупреждая, что понятие кризиса в его концепции отнюдь не означает катастрофу или мучительный конфликт противоположных тенденций. Оно скорее имеет смысл *“поворотных пунктов, моментов решения, выбора между прогрессом и регрессом, интеграцией и задержкой”, критических периодов усиливающейся уязвимости и возрастающего потенциала*. Для нашего времени важны слова Эриксона о том, что *“нельзя разделять личный рост и изменение общества, кризис идентичности в индивидуальной жизни и современные кризисы в историческом развитии”* [3, 20].

По мнению Эриксона, резкое изменение общественных условий существования зрелой личности вызывает у индивида потерю чувств личной тождественности и исторической непрерывности. В новых условиях люди должны включиться в новые социальные отношения, сформировать новые цели, систему ценностей и оценок, т.е. новую личностную идентичность взамен старой. Трудности подобной перестройки идентичности могут вызвать невротическое состояние, которое Эриксон обозначил как диффузность или потерю идентичности. Для этого состояния характерно острое ощущение утраты смысла жизни.

Стремление зрелой личности в условиях кризиса идентичности, вызванного резко изменившимися социальными условиями, обрести новую личную идентичность, может идти по пути усиления ответственности, удовлетворенности осуществлением смысла жизни, осознанием новых позитивных изменений своего внутреннего мира, т.е. по пути дальнейшего “взросления” и личностного роста. Альтернативой является активизация механизмов психологической защиты, блокирующая личностный рост, снижение удовлетворен-

ности осуществлением смысла жизни и диффузность, или потеря идентичности.

Эти два подхода с двух различных сторон характеризуют две части единой самоконцепции личности (социальную и личную идентичность) в ситуации изменившейся социальной реальности. Есть смысл посмотреть на них под новым углом зрения как на взаимосвязанные и в критических условиях взаимодополняющие подсистемы единой и целостной самоконцепции личности. Теоретический анализ результатов современных этнопсихологических исследований в России и странах ближнего зарубежья позволяет высказать следующие гипотезы:

I. На наш взгляд, именно *личная идентичность* (как более устойчивая категория в условиях глобального социального переустройства) является ведущей и направляющей частью самоконцепции и определяет выбор и глубину собственной идентификации в изменившейся системе социальных категорий.

II. В условиях трансформации системы базовых социальных категорий (гражданской, этнической и т.д.) личность стремится идентифицироваться с теми группами, членство в которых позволяет ей решить проблему смысловой определенности, а именно, – помогает наиболее адекватным изменившейся реальности способом ответить на вопрос: *кто я?* Через поиски ответа на этот вопрос человек реализует не столько базальную потребность в самоуважении, сколько базальную потребность *в смысле, в понимании*. Ответ на этот вопрос служит усилению чувства контроля над собственной жизнью, а, следовательно, лучшей адаптации человека в изменившемся мире. Поэтому далеко не всегда человек идентифицируется с наиболее привлекательными социальными категориями (например, европейцами или доминирующей этнической группой), а подчас осознанно причисляет себя к неуважаемым, навязанным извне негативным категориям (например, изгоям, людям второго сорта, “инородцам” и т.д.), поскольку эти категории более точно определяют его положение в новой социальной реальности.

Кризис идентичности в разнообразии форм и проявлений

Возникает закономерный вопрос: в чем состоит кризис идентичности в условиях социальных преобразований и как личность его решает?

По Эриксону, кризис личной идентичности – это поворотный пункт в личностном развитии, выбор между прогрессом и регрессом, состояние, соединяющее в себе возросшую уязвимость и потенциал развития [20]. Согласно теории Тэджфела-Тернера кризис социальной идентичности можно определить как утрату позитивной опре-

деленности группового членства, из которого можно выйти тремя указанными выше способами (оставить группу, перейти в более высокостатусную или прилагать усилия по восстановлению позитивности группового членства) [24].

С точки зрения предложенного нами подхода, кризис социальной идентичности в ситуации нестабильности общества можно определить как ощущение утраты смысловой насыщенности прежних форм социальной идентификации и поиск новых, отвечающих базальной потребности человека в смысле и способствующих наиболее адекватной адаптации в изменившейся социальной реальности.

Какое понимание кризиса социальной (этнической) идентичности предлагается этнопсихологами, исследовавшими эти проблемы на постсоветском пространстве? Подходы к данной проблеме развивались и уточнялись на протяжении нескольких последних лет.

Павленко первоначально считала главным признаком кризиса “резкое снижение или полное отсутствие самоидентификации индивида с крупнейшими социальными общностями, в первую очередь, этнической и гражданской”. Эмпирическим показателем наличия кризиса служила низкая степень идентификации себя с той или иной общностью (не выше 5 баллов по 10-балльной шкале [13]).

Сходное понимание предлагала и Солдатова, констатируя наличие кризиса гражданской идентичности у представителей титульной национальности и русских в ряде республик России на основании низкой частоты встречаемости упоминаний о своей гражданской принадлежности среди иных самохарактеристик, полученных с помощью теста Куна и Макпартленда [14].

В более поздних работах этих и других авторов встречается более детальное понимание кризиса идентичности. Так, Павленко предлагает разделять кризис социальной идентичности на объективно фиксируемый кризис (ОФК) и субъективно переживаемый кризис (СПК). Первый вариант означает, что индивид не отождествляет себя вообще или слабо отождествляет с этнической и гражданской общностями, причем это может сопровождаться или не сопровождаться субъективными переживаниями по данному поводу. Второй вариант характеризуется тем, что индивид не отождествляет себя с этнической и гражданской общностями при том, что стремится к такому отождествлению. По мнению автора, “отражением субъективно переживаемого кризиса социальной идентичности является наличие *осознаваемого или неосознанного рассогласования* между стремлением индивида к идентификации с основными социальными общностями и невозможнос-

тью осуществления этого в желаемой степени” [12, с. 91].

В основе такого подхода лежит понимание кризиса как диалектического противоречия, рассогласования неких исходных феноменов, ранее находившихся в гармонии, противоречия, требующего разрешения, т.е. формирования гармоничного соотношения данных феноменов уже на ином, новом уровне с учетом всех произошедших изменений.

Такая трактовка кризиса в своей сути полностью соответствует моему определению кризиса социальной идентичности у русских в ближнем зарубежье как утраты связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью, лежащей в основе сбалансированной и непротиворечивой социальной (этнической) идентичности, а поиски выходов из кризиса (часто неосознаваемого) – это поиски наиболее адекватных способов восстановления этой утраченной связи на новом уровне [7].

Теоретическая гипотеза этого исследования состояла в том, что в норме для группового (этнического) сознания характерна тесная внутренняя связь между позитивной групповой (этнической) идентичностью и аутгрупповой (межэтнической) толерантностью. На эту связь также указывали исследования Д. Берри и М. Плизента в Канаде [19]. В неблагоприятных социально-исторических условиях данная прямая связь может распадаться или становиться обратной. При возникновении этнической интолерантности в действие вступают механизмы социальной перцепции, направленные на восстановление позитивной этнической идентичности, а вслед за ней – и этнической толерантности.

Результаты исследования показали, что в четырех из семи государств (Украина, Армения, Азербайджан и Литва) присутствовала тесная корреляционная связь между количеством позитивных этнических автостереотипов и позитивных этнических гетеростереотипов ($p < 0.01$). В двух государствах (Эстония и Узбекистан) эта связь отсутствовала, а в Казахстане носила обратный характер ($p < 0.05$). Глубина и интенсивность субъективного переживания кризиса особенно была характерна для русских жителей данных трех республик [7].

Следствием нарушения связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью, по моему мнению, являлся кластер показателей, получивший название “синдром навязанной этничности”, главным ядром которого была чрезмерная (“навязчивая”) акцентированность этнической принадлежности, этничности.

Под влиянием этого синдрома у респондентов формировались две установки: на миграцию в Россию и на активную аккультурацию в респуб-

лике (создание социальных институтов новой диаспоры). Причем, главным здесь был не конечный результат, а процесс – община могла и не создаться, миграция могла не осуществиться (так в большинстве случаев и происходило). Главное – самоопределение в новой реальности и поиск новой непротиворечивой идентичности, обретение позитивной этнической идентичности и толерантности, восстановление внутриличностного баланса и гармонии.

Что самое удивительное – реализация данных поведенческих стратегий способствовала восстановлению этой связи. Оставшиеся в республиках и нацеленные на интеграцию активизировали все свои психологические ресурсы, чтобы не потерять этот баланс и пережить кризис в более мягкой форме. У тех, кто предпочел миграцию (русские из Эстонии и государств Средней Азии) через год адаптации в России, отмечался рост позитивных этнических гетеростереотипов “титовых” этносов (после ярко-выраженных негативных в момент приезда) наряду с ростом позитивной локальной этнокультурной идентичности, дифференцирующей их от местных русских.

Те же, кто хотел уехать, но не смог, предпочли сепарацию и переживали кризис в острой форме; впоследствии многие из них были вынуждены взять курс на ассимиляцию (отказ от этнической идентичности), что означало дальнейший виток кризиса.

Эти исследования говорят о том, что часто неосознаваемым мотивом поведения является кризис идентичности, который определяет выбор стратегии поведения, а также – выбор социальных категорий для самоидентификации. И здесь очень важно выбрать самое “важное”, самое “верное”, наиболее полно соответствующее как изменившейся социальной реальности, так и ценностно-смысловому ядру личной идентичности, ее стержню, самоидентификации и определенности.

Сходный диапазон “нормы” и кризисных вариантов изменения социальной (этнической) идентичности в новых социальных условиях предлагается и другими исследователями. Так, Науменко описывает широкий диапазон “проявлений чувств этничности” от глубокой этнической приверженности до нигилизма, выделяя такие типы этнической идентичности, как “целостная”, “альтернативная”, “двойственная или множественная”, “утраченная” [11, с. 84]. Сама автор не говорит о кризисе этнической идентичности, хотя последний тип – явление “смены” или “утраты” этнической идентичности – безусловно, характерен для ситуации кризиса идентификации.

В исследовании Солдатовой также выделяется как “норма” (*позитивная этническая идентичность*), так и отклонения от нее (*этническая ин-*

дифференцированность, гиподентичность – этнический нигилизм, *гиперидентичность* – этноэгоизм, этноизоляционизм и национальный фанатизм) [14, с. 104].

Несмотря на кажущуюся разнородность терминов и подходов, похоже, что все исследователи трансформаций социальной (этнической) идентичности по сути описывают одни и те же процессы. Попробуем унифицировать эти подходы на основе гипотезы о том, что в основе процессов самоидентификации лежит потребность в обретении смысла и достижении наибольшей адекватности в изменившейся социальной реальности.

Однако здесь, основываясь на гипотезе, что именно личная идентичность является ведущей и направляющей частью самоконцепции в выборе самоидентификаций, мы нуждаемся еще в одной переменной – личностной. Условной интегральной характеристикой личности может выступать, к примеру, локус контроля, характеризующий такие свойства личности, как ответственность и адаптивность.

В этом случае можно сформулировать следующие первоначальные гипотезы, характеризующие особенности кризиса социальной (этнической) идентичности на постсоветском пространстве, выявленные в современных этнопсихологических исследованиях.

- Кризисом социальной идентичности предлагается считать рассогласование неких исходных феноменов, ранее находившихся в гармонии, диалектическое противоречие, требующее разрешения, т.е. формирования гармонии на новом уровне с учетом изменившейся социальной реальности. Это разрешение возможно под углом формирования новой системы самоидентификаций, удовлетворяющих потребность личности в поиске смысловой определенности своего личного и социального бытия в целях лучшей адаптивности в изменившемся социуме.

- Кризис социальной идентичности может выступать в форме отсутствия, снижения или резкого усиления процессов самоидентификации с наиболее крупными социальными категориями (прежде всего, этнической и гражданской). Следует предположить, что объективно кризис социальной идентичности переживается практически всеми жителями бывшего СССР, поскольку все они в той или иной мере столкнулись с изменениями социальных категорий, что нашло отражение в трансформации, в частности, этнической самоидентификации (от “гиперидентичности” – преувеличенности, “навязанности” этнической идентичности до “гиподентичности” – этнического нигилизма, добровольного или вынужденного отказа от этничности). В этом диапазоне выраженности идентификации с той или иной социальной общностью находит отражение то,

насколько самоидентификация с данной социальной категорией (реальной или иллюзорной) удовлетворяет потребность индивида в смысле, в понимании нового социального контекста и своего места в нем.

• Степень проявленности кризиса социальной идентичности, его глубина и особенности выхода из него зависят от личностных переменных – зрелости, активности, ответственности. В исследованиях показано, что зрелой и ответственной личности удастся пережить кризис социальной идентичности с меньшими потерями, сохранив или восстановив утраченный баланс исходных элементов (позитивную этническую идентичность, этническую толерантность). На значимость личностных переменных указывают многие работы. В моем исследовании русских в ближнем зарубежье было выявлено, что такие характеристики личности, как *интернальный локус контроля и удовлетворенность осуществлением смысла жизни* способствуют выходу из кризиса социальной идентичности [8]. Солдатова отмечает, что в континууме “личностная – групповая” идентичности понятие “нормы” (позитивная этническая идентичность) ближе к “личностному” полюсу, а ее кризисные трансформации (гипо- и гиперидентичность) – к “групповому” [14, с. 105]. Это свидетельствует о том, что активная включенность личности в процессы социальной самоидентификации способствует их более “осмысленному”, а значит и более успешному, менее кризисному протеканию.

Таким образом, мы можем видеть, что в анализе сути кризиса социальной идентичности в период радикальных социальных изменений различными исследователями выявлены общие закономерности, указывающие на то, что кризис социальной идентификации проявляется в утрате смысловой определенности соотношения себя с теми или иными социальными категориями, что может выражаться в отсутствии или снижении некоторых видов социальной самоидентификации. Эта утрата стимулирует поиск других социальных категорий, идентификация с которыми наиболее полно и адекватно отвечает на вопрос “кто я?” в изменившейся социальной реальности, реализуя базальную потребность человека в смысле и способствуя более успешной адаптации в новых условиях. Внутренне это может выражаться в рассогласовании неких сущностных феноменов, лежащих в основе сбалансированной и непротиворечивой личной идентичности (самотождественности). Личность может выбирать, каким путем идти – развития, или стагнации, восстановления утраченного, или нахождения нового баланса, или же активизации механизмов психологической защиты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Изменяющаяся социальная реальность (“исчезновение” старых и появление “новых” социальных категорий) привела к изменениям как в системе социальных самоидентификаций личности (рост и снижение идентификации с различными социальными категориями), так и самих процессов идентификации.

2. На основании анализа результатов этнопсихологических исследований на постсоветском пространстве были выявлены основные векторы изменения процессов самоидентификации: *от стабильности к неустойчивости, диффузности, неопределенности; от унифицированности к разнообразию; от глобальности к артикулированности, детализации; от потребности в самоуважении к потребности в смысле; от оценочной полярности к антиномичному единству*. Данные изменения, на наш взгляд, отражают глубинные перемены в обществе и человеческом сознании в направлении большего разнообразия, богатства, полнокровности и способствуют более адекватной адаптации в изменившихся условиях.

3. Предлагается новое теоретическое понимание основы самоидентификации в период социальной нестабильности: человеку свойственно в таких условиях идентифицироваться с теми или иными социальными категориями не столько в целях удовлетворения базальной потребности в самоуважении, сколько в целях удовлетворения базальной потребности в смысле, понимании, правде и собственной адекватности ей. Идентификация на этой основе дает человеку ощущение контроля над собственной жизнью и тем самым способствует его адаптации в новой социальной реальности. Это не означает снижения влияния потребности в позитивной идентичности (потребности в самоуважении), а только указывает на то, что не она одна может детерминировать процессы самоидентификации в условиях социальной нестабильности.

4. С точки зрения данного подхода предлагается рассматривать кризис социальной идентичности как проявление утраты смысла в идентификации с одними социальными категориями и поиск других групповых идентификаций, которые несут в себе смысловую насыщенность и являются наиболее адекватными как изменившейся социальной реальности, так и потребностям личностной определенности. Это понимание объясняет выявленный исследователями диапазон кризисных явлений социальной идентичности на постсоветском пространстве (снижение, утрата или резкий рост идентификации с различными социальными категориями).

5. Анализ результатов этнопсихологических исследований указывает на возрастание роли личности в процессах самоидентификации, по-

скольку личная идентичность в условиях социальной нестабильности оказывается более устойчивой категорией, чем социальная. Именно личность на основе базальной потребности в смысле определяет для себя, с какой социальной категорией идентифицироваться и выбирает способ разрешения кризиса социальной идентичности. Зрелость личности способствует разрешению кризиса путем восстановления утраченного внутреннего баланса и самоидентичности (например, восстанавливая связь между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью), незрелость приводит к активизации механизмов психологической защиты и углублению кризиса.

В связи с этим встает еще одна важная проблема, которая требует своего осмысления – способы выхода из кризиса социальной идентичности и психологические механизмы самоидентификации, адекватной изменившейся реальности. Но это уже тема отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект пресс, 1998.
2. Андрущак И.Б. Этноцентризм как социально-психологический феномен в условиях социоэтнических изменений. Автореф. ... канд. психол. наук, М., 1998.
3. Анциферова Л.И. Эпигенетическая концепция развития личности Эрика Г. Эриксона // Принцип развития в психологии. М.: Наука. С. 212–242.
4. Дробизева Л.М. и др. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.
5. Касаткина Н.В. От маргинализации до интеграции: стратегия аккультурации в различных группах национальных меньшинств Литвы // Этническая психология и общество / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Старый сад, 1997. С. 289–305.
6. Лебедева Н.М. Социально-психологическое исследование межэтнического взаимодействия и аккультурации нетитульного населения в Эстонии и Литве. Неопубликованный отчет по проекту “Демократизация и модели регуляции этнополитических кризисов”. М., 1996.
7. Лебедева Н.М. Новая русская диаспора: социально-психологический анализ. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1997.
8. Лебедева Н.М. “Синдром навязанной этничности” и способы его преодоления // Этническая психология и общество / Под ред. Н.М. Лебедевой, М.: Старый сад, 1997. С. 104–114.
9. Лебедева Н.М. Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп // Этническая психология и общество / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Старый сад, 1997. С. 271–288.
10. Мулдашева А.Б. Особенности изменения Я-концепции в казахской культуре // Этническая психология и общество / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Старый сад, 1997. С. 360–361.
11. Науменко Л.И. Этническая идентичность. Проблемы трансформаций в пост-советский период // Этническая психология и общество / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Старый сад, 1997. С. 77–87.
12. Павленко В.Н. Разновидности кризиса социальной идентичности в Украине // Этническая психология и общество / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Старый сад, 1997. С. 88–96.
13. Павленко В.Н., Корж Н.Н. Трансформации социальной идентичности в посттоталитарном обществе // Психол. журн. Т. 19. № 1. 1998. С. 75–88.
14. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
15. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность в ситуации социальной нестабильности // Этническая психология и общество / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Старый сад, 1997. С. 97–103.
16. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность и некоторые проблемы ее изучения // Этнос. Идентичность. Образование. Труды по социологии образования / Под ред. В.С. Собкина. М., Центр социологии образования РАО. 1998. Т. 4. Вып. 6. С. 85–104.
17. Уталиева Ж.Т. Влияние языковой компетенции на формирование этнической идентичности // Этническая психология и общество / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Старый сад, 1997. С. 131–138.
18. Шульга Н.А. Этническая самоидентификация личности. Киев, 1996.
19. Berry J.W., Pleasants M. Ethnic tolerance in plural societies. Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism, Potsdam, 1984.
20. Erikson E.H. Identity. Youth and Crisis. N.Y., 1968.
21. Kirch A. Estonian and Russian National Identities in Comparative Perspective // Changing Identities in Estonia. Sociological Facts and Commentaries. Tallin, 1994.
22. Kuhn M., McPartland T. An Empirical Investigation of Self-Attitudes // American Sociological Review. 1954. Vol. 19. № 1.
23. Kuzmickaite L. Ethnic and Territorial Identities // Changes of Identity in Modern Lithuania. Vilnius, 1996.
24. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior / S. Worchel & W. Austin. Psychology of Intergroup Relations. Chicago. 1979. P. 7–24.

SOCIAL IDENTITY IN POST-SOVIET STATES: FROM THE SEARCH FOR SELF-ESTEEM TO THE SEARCH OF SENSE

N. M. Lebedeva

Dr. sci. (psychology), lead. res. ass., Institute of ethnology and anthropology RAS, Moscow

The results of the contemporary ethnopsychological studies of the transformations of social and ethnic identities in post-Soviet states are analyzed. The hypothesis that in the circumstances of social instability the identity of personality is became the leading and determining factor of social self-identification is proposed. The basis of the self-identification of personality in changed conditions is not only the need in self-esteem but the basal need in the searching for sense and understanding which is gave the opportunity of adaptation and increasing the sense of control over one's life. The analysis of the main direction of variation of the processes of self-identification in post-Soviet states: from the stability to instability, diffusion, uncertainty; from the standardization to differentiation; from the globality to articulation, detalisation; from the need in self-esteem to the need in sense; from the polar estimates to antinomy unity was made.

Key words: social psychology, ethnic psychology, social identity, ethnic identity, processes of self-identification, crisis of social identity.

ИНФОРМАЦИЯ О НОВЫХ КНИГАХ

Издательство «Институт психологии РАН» выпустило в свет книгу профессора В.П. Морозова «Искусство и наука общения: невербальная коммуникация». М., 1998, тираж 500.

В книге приводится разработанная автором наиболее полная и адекватная система классификации различных видов невербальной коммуникации (НК), даются их психологические характеристики. Описываются особенности НК по срав-

нению с речевым общением. Работа вносит ряд новых представлений и понятий в теорию речевого общения – эмоциональный слух, психологический портрет человека по невербальным особенностям его речи, психологический детектор лжи и ряд других.

Книга адресована широкому кругу специалистов, интересующихся проблемами речевого и невербального общения.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ – ЕЕ ИСТОКИ И ПЕРВЫЕ ШАГИ В РАЗВИТИИ*

© 1999 г. Т. Н. Ушакова

Докт. психол. наук, чл.-корр. РАО, Институт психологии РАН

Исследовались принципиальные основания процесса речевого (дословесного) развития от рождения до года. Системный ход целостного психофизиологического развития рассматривался как то русло, в границах которого “зреет зерно” будущей речевой способности. Показано, что последовательно включающиеся механизмы (“употребление прирощенных рефлексов”, первичные и вторичные циркулярные реакции, преднамеренные операции) действуют в различных сферах: двигательной, коммуникативной, голосовой. На основании этих механизмов и прирощенной голосовой активности к концу первого года жизни у младенца формируется “каркас” коммуникативных отношений с окружающими. Предложена модель, объясняющая включение в этот “каркас” звуковых сигналов – первых слов ребенка. Обсуждаются теоретические проблемы связи слова и мысли, социального и природного фактора в речевом онтогенезе.

Ключевые слова: речевой (дословесный) онтогенез, системные психофизиологические механизмы развития, модель возникновения первых слов, проблема связи мысли и слова.

Психология так давно обратилась к проблеме речевого онтогенеза, что к нашему времени по данной теме накопилась обширная литература, составляющая содержание многих библиографических указателей [8, 10]. Несмотря на обилие материалов, детская речь продолжает привлекать к себе внимание исследователей и является одной из активно разрабатываемых областей психологической науки. В чем причина такого рода неутоляющего научного интереса к речевому онтогенезу?

В первую очередь в том, что до сих пор не найдены удовлетворительные ответы на многие кардинальные вопросы о природе речевой функции человека. Обращение к истокам становления речи – ее возникновению и развитию у ребенка, казалось бы, дает надежду на успех в разгадке ее вековых загадок.

Другую причину можно видеть в практическом значении данных о речевом онтогенезе. Речь – основной показатель благополучия психического развития ребенка. Это обстоятельство поддерживает интерес детских психологов к дальнейшему расширению эмпирических данных и развитию теории речевого онтогенеза и дизонтогенеза.

Пристальное внимание ученых вызывает в настоящее время ранний, собственно доречевой этап развития ребенка. Это связано, видимо, с возросшими аппаратными возможностями исследований: усовершенствованными акустической записью и анализом детских вокализаций, ис-

пользованием компьютерной техники для обработки больших массивов данных. Безусловное значение имеет, конечно, стремление ученых приблизиться к некой начальной точке речевого онтогенеза. Понятно, что начиная свой анализ с первых детских слов, исследователь не может не осознавать существования определенной предистории их возникновения. Но может быть, именно в ней и заключен ответ на вопрос, в чем корень речевой способности младенца.

Избрав начальный этап возникновения речи у ребенка объектом нашего исследования, мы дели свою задачу в следующем: выявить движущие силы и механизмы этого процесса и достичь построения достаточно общей и последовательной модели речевого онтогенеза. В работе мы соблюдали следующие исходные постулаты:

- Исследование было направлено на максимально ранние моменты психических проявлений ребенка с целью выявления последовательных натуральных шагов развития речевой способности.

- Анализ речевого онтогенеза проводился на основе идеи о том, что речь является не изолированной функцией психики (и мозга), а стороной общего системного психофизиологического развития. Поэтому применялся комплексный анализ, включающий по возможности полные данные о разных сторонах психического развития младенца.

- При построении теоретической модели мы стремились к использованию верифицируемых понятий, опирающихся на выявление “механизменных”, причинно объяснимых форм поведения ребенка.

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 99-06-80081.